«Забудь меня обратно»

Фанфик от: «KirOFF»

Источник: Ponyfiction

Жанр: Альтернативный эпизод

Дата написания: 5 июля 2026 года

Заметки от автора:

Данный фанфик является пересказом альтернативной ветки событий, происходившие в ходе четвёртой серии второго сезона мультсериала «Дружба – это чудо». НЕ ЯВЛЯЕТСЯ КАНОНОМ! Можно читать в отрыве от просмотра вышеуказанной серии. Буду принимать любые предложения по улучшению и/или исправлению этого или любых других фанфиков. Также готов к любым новым идеям для других фанфиков.

Приятного прочтения!

Глава 1.

Казалось бы, это был всего лишь ещё один день в жизни Понивилля. Но на деле этот вечер был воистину особенным. До полного погружения солнца в небесные глубины оставалось всего пара часов, и каждый пони готовился к грядущему моменту, как мог.

Пинки Пай, например, вовсю занималась украшениями — балансируя на шаткой стремянке, она развешивала пушистую паутину и резиновых летучих мышей, которые то и дело забавно вылетали из коробки. Была ли в расположении всего этого хоть какая-то логика, или же всё это являлось грамотно выверенным беспорядком — так и оставалось загадкой.

— Эй, Пинки, поберегись! — весело крикнула Эпплджек, с грохотом прокатывая мимо очередную тяжёлую деревянную бочку.

От земной пони приятно пахло печёными яблоками, корицей и свежей древесной стружкой. Она ловко затормозила у своей лавки как раз в тот момент, когда Рарити, аккуратно удерживая магией резцы, заканчивала вырезать причудливые, зубастые улыбки на праздничных тыквах.

Чуть поодаль, у витрины, кто-то из жеребят никак не мог решить, какие бутафорские клыки примерить, чтобы выглядеть максимально естественно, что смешило его самого и прохожих ещё больше прежнего. Остальная же детвора шумно спорила, чей костюм в этом году окажется самым страшным.

Город застыл на пороге ежегодной Ночи Кошмаров — праздника, который всегда был настолько весёлым и безобидным, что не смог бы напугать даже новорождённую кобылку. Черёд событий в такую ночь из года в год оставался практически неизменным, можно даже сказать, медианным. Со стороны, конечно, это всё больше смахивало на многолетний ритуал, чем на судорожную подготовку к празднику, который каждый год был долгожданным для каждого пони.

Но с наступлением темноты, как бы это странно не звучало, внизу стало только светлее - вовсю засверкали огоньки да свечки, из-за чего Понивилль словно задышал новой жизнью.

Через некоторое время, все пони собрались у центра города, где под тяжёлым навесом было скрыто то, что стало бы настоящим подарком для нетерпеливых жеребят.

Когда мэр Тепвёрт под весёлый гул толпы сдёрнула ткань, пони дружно ахнули, а затем разразились аплодисментами. На площади предстала следующая конструкция - чучело, сделанное из искусно переплетённой соломы и обтянутое плотной тёмно-синей тканью, выглядело по-настоящему величественно и жутко. Его огромные фосфоресцирующие глаза тускло светились в темноте, а бутафорские острые крылья были широко раскинуты, словно в попытке обнять весь город. Это было оно - гигантское чучело Лунной пони.

Но для жителей Понивилля оно не представляло никакой угрозы — это было просто традиционной частью данного праздника.

— Угощение или испуг! — звонко закричали первые добравшиеся до площади жеребята в костюмах.

Смеющийся поток хлынул к подножию соломенного монстра. Каждый пони, следуя укоренившейся традиции, нёс с собой горсть конфет или леденцов, чтобы бросить их в котёл у копыт чучела. Это была игра в «откуп» от ночной кобылы, приносившая тонны радости. Праздник официально начался, и никто из веселящейся толпы не замечал, как на самой окраине площади, скрытая густой ночной тенью, за ними молча наблюдает настоящая Хозяйка Ночи…

Принцесса Луна стояла неподвижно, словно сотканная из самой ночной прохлады. Из своего укрытия в тени раскидистого дуба она смотрела на смеющуюся толпу, но в её глазах читалось пугающее её недопонимание - столько пони, в одном месте, так ещё и ночью?

— Принцесса Луна! Вы всё-таки пришли! — раздался радостный голос, и из яркого света площади к ней подбежала Искорка. На ней был забавный остроконечный костюм волшебника, который сейчас смотрелся особенно контрастно рядом с величественной ночной правительницей.

— Приветствуем тебя, Искорка, — тихо, без привычного королевского кантерлотского голоса ответила Луна, не отводя взгляда от площади. — Объясни нам… что здесь происходит? Почему наши подданные наряжены в монстров? И зачем они… построили это?

Луна указала копытом в сторону гигантского соломенного чучела Лунной пони, у ног которого жеребята как раз увлечённо делили добычу.

— О, это же Ночь Кошмаров! — с воодушевлением улыбнулась Искорка. — Понимаете, за те долгие годы, что вас не было... ну, у жителей укоренилась эта традиция. Каждую осень они устраивают карнавал. По местной легенде, если отдать часть своих сладостей чучелу Лунной пони, её голодный дух не унесёт тебя с собой. Это просто игра, принцесса! Способ весело провести время и посмеяться над своими страхами. Они делают это не со зла, это дань традиции.

— Традиции? — эхом повторила Луна.

Она вглядывалась в лица смеющихся пони, и слова Искорки вроде бы звучали логично. На мгновение принцессе даже показалось, что она всё понимает. Жители просто празднуют. Это карнавал. Невинная забава. Луна заставила себя выдохнуть, её плечи немного расслабились, а на губах появилась слабая, робкая улыбка.

— Что ж.. если это приносит им радость, возможно, нам тоже стоит попробовать понять этот праздник, — мягко произнесла она.

Искорка облегчённо закивала, радуясь, что разговор прошёл так гладко. Но Луна всё ещё не могла оторвать взгляда от горящих фосфором глаз соломенного чучела. А потом...

Искорка отвлеклась на зов Пинки Пай и на пару минут отошла, оставив Луну одну на границе света и тени. Принцесса сделала несколько неуверенных шагов вперед, выходя на саму площадь. Ей искренне хотелось верить словам Искорки. «Это просто игра. Невинная забава».

Но чем ближе она подходила к гигантскому чучелу Лунной пони, тем сильнее эта вера рассыпалась в прах.

Мир вокруг неё словно начал терять свои яркие краски, сжимаясь до размеров этой площади. Звуки весёлой музыки и беззаботного смеха вдруг стали казаться странными, искажёнными, будто доносились из-под толщи воды. Луна замерла, вглядываясь в лица подданных.

Вот маленькая кобылка в костюме летучей мыши с робким писком подбежала к подножию чучела, бросила в котёл горсть леденцов и с криком умчалась обратно к родителям, которые одобрительно рассмеялись.

«С писком...» — эхом отозвалось в голове Луны.

В её воспалённом чувством вины восприятии этот писк не был весёлым. Это был писк страха. А смех взрослых пони... он больше не звучал беззаботно. Теперь он казался Луне нервным, натянутым. Будто они смеялись от облегчения, что монстр принял их дары и в этот раз пощадит их детей.

Каждая брошенная в котёл конфета теперь стучала по дну с глухим, давящим звуком, который отдавался прямо в груди Луны.

«Они не празднуют, — холодная, леденящая мысль парализовала её разум. — *Они приносят дань чудовищу, которым я была. Они до сих пор видят во мне только ЕЁ».*

Луна испуганно посмотрела вверх, на соломенную голову своего двойника. В пляшущем пламени свечей фосфоресцирующие глаза чучела словно ожили, уставившись на неё с немым укором. Искусственные крылья, раскинутые

над площадью, больше не казались частью карнавала — они выглядели как настоящая, удушающая тень прошлого, которая навсегда накрыла Понивилль.

Звуки толпы начали сливаться в один сплошной, давящий гул. Воздух вокруг стал тяжёлым, горячим, пропитанным запахом гари от сотен свечей. Луна попыталась сделать вдох, но грудную клетку словно сдавило железным обручем. Сердце бешено заколотилось о рёбра.

Ей казалось, что, если она останется здесь ещё хоть на секунду, этот соломенный монстр заберёт её саму, вернув туда, откуда нет возврата.

Горячая, крупная слеза сорвалась с ресниц принцессы и беззвучно исчезла в пыли у её копыт. Луна даже не заметила её. Зрение окончательно помутилось: огни площади расплылись в сплошные дрожащие пятна, а силуэт соломенного чучела надвое раскололся перед глазами.

— Принцесса Луна? С вами всё в порядке? — сквозь плотный гул в ушах пробился встревоженный голос вернувшейся Искорки. Пони-волшебница сделала шаг навстречу, её глаза за стеклами бутафорских очков расширились от испуга, когда она увидела блестящие дорожки на щеках ночной кобылы. — Вам… вам плохо?

Луна сделала судорожный шаг назад, пошатнувшись, словно от удара. Она хотела ответить. Хотела сказать, что ей просто нужно побыть одной, но горло сковал удушливый спазм. Из груди вырвался лишь тихий, израненный всхлип, который моментально потонул в безжалостном весёлом шуме праздника.

Подняв затуманенный взор к небесам, Луна поняла, что больше не может находиться здесь. Не может смотреть на то, как её подданные «празднуют» её худший грех.

С тихим, полным отчаяния выдохом принцесса резко расправила свои могучие крылья. Сильный толчок — и вокруг неё взметнулось плотное, чернильно-черное облако магии, смешанной с ночным туманом.

— Принцесса, постойте! — отчаянно крикнула вслед Искорка, протягивая копыто, но было уже поздно.

Тёмный вихрь с шумом взвился в воздух, на мгновение загасив несколько ближайших свечей в тыквах, и стремительной стрелой рванул прочь от площади — туда, где над вечнозелёными лесами высились шпили старого замка. Луна бежала. Бежала от собственного прошлого, от невыносимого чувства вины и от искренних, как ей казалось, страха и ненависти её подданных.

На площади Понивилля внезапно воцарилась звенящая, мертвая тишина. Музыка смолкла. Жеребята замерли, испуганно прижимая ушки к головам и глядя в опустевшее темное небо, где только что растворилась их принцесса. Радостный карнавал в одно мгновение превратился в холодный, недоуменный кошмар.

А далеко вверху, словно отражая разбитое сердце своей хозяйки, луна медленно затягивалась тяжёлыми, беспросветными грозовыми тучами.

А это было только НАЧАЛО той ночи.

Глава 2.

Белые мраморные коридоры Кантерлотского замка, обычно дышащие спокойствием и величием, сейчас казались нескончаемыми лабиринтами из блеклого льда. Всю тишину в этом месте нарушала лишь Луна, практически бежавшая от этого, как она думала, бесчеловечного ужаса. В попытке стать более незаметной она даже не использовала свои крылья — наоборот, она крепко поджала их к бокам.

Королевские стражи были растеряны, увидев Хозяйку Ночи в совершенно не королевском виде: грива была растрёпана, а в глазах, наполненных слезами, читался стыд за прошлое, которое когда-то нарушило покой всех жителей Эквестрии. Но то, что это произошло очень давно, её сейчас не успокаивало.

— Ваше Величество?.. — робко попытался обратиться один из стражей.

Но принцесса Луна лишь по-быстрому закрылась в своей комнате на все возможные замки, тем самым отделив себя от остального мира. А на саму дверь с наружной стороны с помощью магии тёмно-синими рунами легло заклинание: *«Не беспокоить. Теперь ночь ваша»*.

Той королевской выдержки, которая была с ней всё это время, больше не осталось. Будучи не в состоянии устоять на ногах, Луна без сил рухнула на холодный пол.

Сердце всё ещё бешено колотилось в груди, отдаваясь глухими ударами в ушах. Луна попыталась заглушить все эти звуки, обхватив голову копытами, но отголоски того понивилльского праздника, ставшие теперь фантомными,

казались сильнее, чем её собственное желание просто побыть в тишине.

Здесь, в Кантерлоте, праздника не было, и судить Луну было попросту некому. Но она видела безжалостных судей в самих безмолвных стенах своей комнаты. Рождалось удушающее ощущение, будто вся Вселенная в один голос говорила ей о том, что она не достойна здесь находиться.

Прошло немало времени, прежде чем гул в ушах стал утихать, уступая место мёртвой, давящей тишине кантерлотских покоев. Луна подумала — стало быть, ей надо вернуть контроль над собой, пусть и будучи израненной изнутри.

На кончике её рога зажёгся слабый, тусклый огонёк тёмно-синей магии, едва разгонявший мрак. Луна медленно подошла к высокому, старинному трюмо из тёмного дерева. Растрёпанная грива и слёзы делали её неузнаваемой, но это не было какой-то маской — такое никак не воссоздать искусственно.

Принцесса потянулась к стоявшей рядом чаше с прохладной водой. Омывая лицо, она пыталась упорядочить мысли, рассуждая о том далёком, удушающем прошлом. Целое тысячелетие казалось ей отличной расплатой за то, чтобы она могла начать жизнь с чистого листа. Но что теперь? Эквестрия сильно изменилась. И теперь то далёкое прошлое, которое охватило её когда-то, стало лишь поводом для ещё одного праздника, который казался культом страха перед уже ушедшим кошмаром. И Луна думала — заслужила ли она прощения от своей сестры, принцессы Селестии, или же всё это было лишь ненужной формальностью, и она так и останется символом ужаса для всех нынешних жеребят?

Луна тяжело вздохнула и подняла взгляд, собираясь хотя бы расчесать гриву.

Но в отражении *была не она*.

Сердце Луны пропустило удар, а дыхание мгновенно перехватило от леденящего шока. Из глубины зеркального стекла, чуть наклонив голову набок, на неё со всё большей, издевательски-торжественной улыбкой смотрела Лунная пони.

Луна в ужасе отшатнулась от трюмо, опрокинув чашу. Вода с тихим звоном пролилась на пол, но кошмар в зеркале не исчез. Лунная пони подалась вперёд, словно собираясь упереться копытами в разделяющее их стекло.

— Ну здравствуй, дорогая Луна, — беззвучно, но отчётливо, прямо внутри её сознания, раздался знакомый, шипящий голос. — Ты ведь теперь тоже это чувствуешь? Они никогда не полюбят тебя. Для них мы с тобой — одно и то же чудовище. И в этом виновата… ты сама!

— Нет! Замолчи! Это неправда! — в отчаянии выкрикнула Луна, но её собственный голос показался ей чужим и глухим в пространстве комнаты.

Слова отражения обожгли её изнутри, словно яд. Вспышка дикой, необузданной магии сорвалась с её рога тёмно-синим импульсом. Комната на мгновение озарилась мертвенным полусветом. Магическая волна бешено ударила по стенам, заставила тяжёлые портьеры взметнуться до самого потолка, а тени в углах покоев закружились в неистовом, хаотичном танце. Воздух вовсю затрещал и

заискрился от напряжения. Казалось, эта буря должна была разнести Кантерлотский замок на куски.

Но когда сияние угасло, портьеры тяжело опали обратно. Всё вернулось на свои места. Ни одна вещь не сдвинулась, ни одна деталь интерьера не пострадала. Её магия, способная двигать небесные светила, оказалась абсолютно бессильна против призрака в собственной голове.

Тяжело дыша, содрогаясь всем телом от накатившего бессилия, Луна медленно, сквозь силу, снова подняла взгляд на зеркало. Сердце замерло в ожидании нового удара, нового издевательства от Лунной пони.

Но за стеклом больше никого не было.

Из глубины трюмо на неё снова смотрело её собственное отражение. Измученное, бледное лицо, растрёпанная грива и полные безграничной боли глаза. Никаких доспехов или клыков. Только она сама.

И это осознание добило принцессу окончательно. Тёмного монстра не было в комнате. Весь этот удушающий шёпот, все эти обвинения, весь этот страх — всё это родилось внутри её собственного разума. Она сама была своим самым безжалостным судьёй.

Плотина, сдерживавшая королевскую гордость, рухнула окончательно. Луна не просто заплакала — она сорвалась на глухой, отчаянный плач, переходящий в тихие, надрывные всхлипы. Силы покинули её, и принцесса опустилась на колени прямо перед трюмо, а после отползла в самый дальний угол своей комнаты, пряча лицо в копытах, пока редкие звёзды в её гриве медленно угасали одна за другой, погружая комнату в абсолютную, безутешную тьму.

В это же время Понивилль всё ещё продолжал праздновать Ночь Кошмаров, пусть уже и не так сильно — жеребята, бегавшие от дома к дому, стали всё чаще с опаской глядеть в небо. И неспроста: его стремительно заволокло тяжёлыми, беспросветными грозовыми тучами.

— Ого, смотрите! Кажется, погода решила подыграть нам! — крикнул кто-то из толпы, указывая копытом на чернеющий небосвод. — С такой грозой Ночь Кошмаров станет только круче и страшнее!

Пони одобрительно загудели, подхватывая эту мысль. Им искренне хотелось верить, что это лишь часть праздничного антуража, весёлое совпадение. Однако приближённые к принцессе прекрасно знали - за этим скрывается что-то совсем другое.

На окраине площади, у подножия соломенного чучела, постепенно собралась вся главная шестёрка. Искорка, всё ещё взволнованная, пыталась перевести дыхание, пока Рарити, Эпплджек, Пинки, Радуга и Флаттершай растерянно переглядывались, понимая, что случилось что-то по-настоящему недоброе.

— Девочки, вы видели, как она улетела? — встревоженно спросила Радуга Дэш, зависнув в воздухе. — Она направилась прямо в сторону столицы.

— Да... Я пыталась её остановить, но она меня не услышала, — тихо ответила Искорка, устремив взгляд на далёкую гору Эверфон, где в темноте ночи величественно высился Кантерлот.

Именно тогда за одним из окон Кантерлотского замка начались многочисленные, хаотичные тёмно-синие вспышки магии. Но заставив всю шестёрку друзей в ужасе затаить дыхание, эти вспышки прекратились так же внезапно, как и начались.

А после окно заволокло густой тёмной магией, которая, в свою очередь, создала зловещие лозы, словно дикий виноград, растущий из окон некоторых престижных домиков. Всё это визуально, на всю Эквестрию, кричало каждому, кто пытался посмотреть на него из темноты: *«Можете не приходить ко мне, я вам больше не нужна»*.

Друзья замерли, ошеломлённые увиденным. **Ночь Кошмаров продолжалась, но для них в этот момент игра окончательно закончилась.**

Глава 3.

В желании разузнать, что же произошло в Кантерлоте, вся шестёрка решила - Искорка и Флаттершай бегут к Кантерлоту, а Рэйнбоу Дэш, Пинки Пай, Рарити, и Эпплджек должны скоординировать весь праздник. Вот только когда Искорка и Флаттершай прибыли к замку Селестии, они заметили - встречать их было абсолютно некому, а в воздухе веяло ледяным холодом.

Проходя по огромному коридору из белого мрамора, на котором, на удивление, не оказалось ни единого стражника, Искорка и Флаттершай замерли в глухом ужасе - Селестия стояла перед дверьми в комнату, в которой находилась Лу́на. Сама Селестия не была похоже на себя, настолько уставшего вида не было со времён борьбы с Лунной пони.

— Луна... прошу тебя, поговори со мной, — тихо, почти шёпотом произнесла Селестия, мягко прислонившись лбом к тяжёлому дереву двери. И в её голосе не было ни капли наставления либо приказов. От этого у Искорки и Флаттершай, которые за всем этим тихо наблюдали в стороне, перехватило дыхание. — Я чувствую, насколько тебе сейчас плохо. Скажи, пожалуйста, что случилось? Как сёстры.

С той стороны зазвучал дрожащий голос Лу́ны. От этого слеза мелькнула уже у Искорки.

— Зачем, Тия?.. Чтобы вновь увидеть то, что я натворила? Меня уже давно засудила вся Эквестрия.

— Прошу, Лу́лу, не говори так, — по щеке Селестии покатилась одинокая слеза, но она даже не попыталась её смахнуть. — Эквестрия любит тебя за то, что...

— Нет. Они любят тебя, Тия. Я так и буду для них монстром, — голос Лу́ны задрожал, срываясь. — Они празднуют день, когда я стала им. Они откупаются от меня конфетами! Я.. чувствую, что я чужая... на этом троне. Я не готова к этому времени.

Селестия прикрыла глаза, понимая, что её слова разбиваются о глухую стену нарастающей депрессии сестры. Лу́на продолжала душить себя этой изоляцией, хоть и стало понятно, почему.

Тогда к Селестии таки двинулась её лучшая ученица, вместе со своей застенчивой подругой.

— Искорка... Флаттершай, — тихо произнесла Селестия, и её голос прозвучал на удивление глухо. — Вы... всё слышали?

В этот момент Искорке стало слишком неловко, потому что она стала, на пару с Флаттершай, свидетелем очень личного разговора, что в обычной ситуации можно было бы принять за чистый шпионаж, но явно не в том случае, когда стражей в замке НЕТ.

— Да, принцесса Селестия, — Искорка сделала несколько шагов вперёд, её глаза блестели от подступающих слёз. — Мне так жаль... Это я виновата. Если бы я на празднике в Понивилле лучше следила за тем, что происходит, если бы я сразу поняла, как ей...

— Не кори себя за это, дитя моё, — Селестия мягко покачала головой, сделав глубокий, тяжёлый вздох. — В этом нет ничьей вашей вины. Если честно... я тысячу лет жила с чувством вины за то, что изгнала её из Эквестрии, но сейчас... оно стало только больше. Даже я бессильна перед тем, насколько она себя изолировала из-за своей тоски.

Флаттершай, которая до этого момента пряталась за спиной Искорки, робко подалась вперёд. Её голос был едва различим, но в нём звенела удивительная для неё уверенность:

— Принцесса Селестия... Возможно, слова правителей или даже старшей сестры — это не то, что ей сейчас нужно. Луне кажется, что её все судят, даже эти стены. Ей кажется, что она чудовище для всей Эквестрии. Но что, если... просто побыть с ней... в этой темноте?

Селестия долго молчала, обдумывая те слова, которые сказала ей Флаттершай. Может, это действительно правда? В глазах дневной правительницы мелькнула еле заметная искра надежды. Порой великая магия и громкие речи бессильны там, где нужно просто тихое, принимающее присутствие.

— Думаю… что ты права, — Селестия горько улыбнулась и сделала шаг назад, уступая кобылкам место перед дверью. — Только… поосторожней с ней, ладно?

Искорка и Флаттершай молча кивнули ей, согласившись с тем, что с Луной сейчас может произойти что угодно, как и с теми, кто с ней теперь будет контактировать. Её магия была нестабильна, защищая своё одиночество, словно раненый зверь.

Искорка попыталась деликатно уместить своё сияние в ту тёмную магию, которой была заперта входная дверь. И хотя сначала магия Луны была несколько сильнее и яростно сопротивлялась чужому вмешательству, но почувствовав, что по ту сторону пришёл кто-то, кто не будет читать нотации и судить, она уступила место магии Искорки, позволив ей отомкнуть дверь. Замочная скважина тихо щёлкнула, руны погасли.

В этой комнате было почти полностью темно. Виднелся лишь тусклый силуэт не менее погасшей Луны, а также глухой, мертвенный свет за окном, который снаружи был отделён от комнаты различными колючими лозами. Эти лозы словно могли просочиться внутрь комнаты в любой момент времени, утягивая её в ещё большую бездну.

Флаттершай и Искорка медленно, едва дыша, зашли в эту комнату, и тяжёлая дверь за ними мягко закрылась. Селестия осталась снаружи, в пустом белом коридоре, в полном неведении и в некоторой паранойе от мысли, что её сестра в

таком состоянии может сделать самой себе что-то куда похуже. *Они остались внутри чужого кошмара.*

Глава 4.

Флаттершай сделала глубокий, прерывистый вдох, пытаясь унять дрожь в крыльях. Перед ней была не просто тёмная комната — это была настоящая обитель осязаемой, удушающей боли, которая, казалось, вибрировала в самом воздухе и тяжёлым грузом оседала на плечах. Пегасочка физически чувствовала, как её собственные копыта предательски подкашиваются от первобытного страха.

Ей, привыкшей прятаться от любого громкого шороха, резкого взгляда или назревающего конфликта, сейчас нужно было сделать то, на что не отважилась бы ни одна пони в Эквестрии — шагнуть навстречу разгневанной и измученной принцессе Ночи. Но внутри неё, вопреки всему, горело слишком сильное сострадание. Это чистое, искреннее желание помочь перекрывало любой животный ужас и заставляло двигаться вперёд.

Она как можно тише пошла к Лу́не, которая лежала в самом дальнем углу комнаты, буквально сливаясь с чернильными, непроглядными тенями. Каждое движение давалось с трудом, паркет казался ледяным, а давящая тишина вокруг лишь усиливала стук её собственного сердца.

Искорка даже не стала сопротивляться. Видимо, она вовремя почувствовала, что её привычная настойчивость, её стремление разложить всё по полочкам, требовать логических ответов и взывать к благоразумию сейчас может только погубить всех троих, включая её саму. Единорожка послушно отступила назад, оставаясь у порога и давая

подруге полный карт-бланш, ведь в такие моменты правила и учебники были абсолютно бессильны.

Лу́на лишь лежала, сжавшись в плотный, беззащитный комок и полностью отвернувшись от всего того, что происходило в этой комнате на этот момент. Её могучие крылья были судорожно прижаты к бокам, словно живой щит, которым она безуспешно пыталась отгородиться от всего внешнего мира, а волшебная грива больше не развевалась красивым, искрящимся ночным шлейфом — она безжизненно и тускло распласталась по холодному полу, растеряв почти все свои звёзды.

И хоть принцесса прекрасно знала, что к ней кто-то зашёл, её королевская натура, гордость и былая величественность в последнее время куда-то полностью улетучились, уступив место глубоко израненной, истощённой душе. Ей казалось, что её предали все, включая собственную сестру.

— Зачем?.. — глухо, едва слышно произнесла Луна, даже не оборачиваясь. Этот голос больше совершенно не напоминал тот грозный, раскатистый королевский глас, от которого ещё недавно дрожали стёкла в домах Понивилля. В нём осталась лишь мёртвая, выжигающая изнутри пустота. — Зачем вам… снова видеть то, как какая-то кобыла страдает от своих страхов?.. Вы ведь уже видели всё. Мой позор, мою слабость, мою неспособность быть частью этого нового мира… Уходите. Я не хочу, чтобы кто-то видел меня при смерти.

Флаттершай не отступила ни на шаг, хотя инстинкты умоляли её развернуться и убежать. Вместо того чтобы стоять над душой, читать нотации или пытаться насильно поднять правительницу, она молча и очень бережно легла рядом с Лу́ной прямо на холодный паркет. На одном уровне, копыто к

копыту, показывая, что она не выше и не ниже. У неё не было абсолютно никакого желания сразу вразумить её, или же упрекнуть в излишней драматичности и слабости. Она просто была рядом, делясь своим тихим, ненавязчивым присутствием.

— Ваше Величество... Луна, — Флаттершай говорила так тихо, что её голос едва перекрывал глухой, монотонный стук дождя за заросшим, покрытым трещинами окном. Ей самой стоило огромных усилий удерживать этот шёпот ровным, не выдавая переполнявших её слёз. — Сказать честно... мне иногда самой бывает безумно страшно. За все те моменты, когда я могу... случайно задеть кого-то своими действиями, или неловкими словами. Страшно оказаться непонятой. Страшно стать той, от кого все в страхе отворачиваются, едва завидев на улице.

У Лу́ны хватило сил пока только на то, чтобы медленно, будто преодолевая яростное сопротивление невидимой, навалившейся на неё тяжести, повернуть свою голову в сторону Флаттершай. В её глазах, тусклых, опухших и бесконечно уставших от слёз, отразился крохотный, но абсолютно лишённый фальши силуэт жёлтой пегасочки.

— Ты... не понимаешь, — едва различимо прошептала принцесса, и её нижняя губа задрожала, выдавая новую волну подступающих слёз, которые она так долго держала в себе. — Тебя никогда не гнобила и не ненавидела вся страна. Твоё имя... не использовали целое тысячелетие для того, чтобы пугать маленьких жеребят по ночам, превращая тебя в синоним чистого зла. А я... я ведь вернулась, чтобы принести им покой, чтобы подарить им красоту моих звёзд, но... вместо этого я снова стала чудовищем для всех этих детей. Я видела их глаза там, на площади. Они бежали от меня в панике точно так же, как и тысячу лет назад, когда мне было не по себе. И ничего не изменилось, они... они видят во мне только монстра.

— Ну... простите меня, если совру, но... *дети боли не принесут*, — Флаттершай робко протянула копыто и едва заметно, бережно коснулась ноги Луны, делясь с ней своим живым теплом. — Они всего лишь побеждают свои собственные детские страхи через такую игру. Они не мыслят, как взрослые, они не знают истории, они не хотят причинить вам осознанную вред или открыть старые раны. Но... мы все совершили ужасную, непростительную ошибку. Мы в этой предпраздничной суматохе, в этой эгоистичной погоне за весельем и конфетами совершенно забыли подумать о том, каково сейчас вам. Живой, настоящей Луне, которой тоже может быть больно. И эта огромная вина целиком и полностью лежит **на нас**.

Глава 5.

В этот самый момент Искорка, которая всё это время старалась практически даже не дышать у самого входа, наконец решилась сделать несколько тихих, максимально осторожных шагов вперёд. Она аккуратно устроилась рядом с Флаттершай, но всё же чуть подальше от неё, чтобы ни в коем случае не нарушить то хрупкое, едва зародившееся тепло, которое пегасочка только что смогла подарить измученной принцессе.

Единорожка видела, как тяжело дышит Луна, как судорожно подрагивают её плечи, и прекрасно понимала, что сейчас каждое неосторожное слово или слишком резкое движение может вновь воздвигнуть между ними глухую стену ментального отчуждения.

Все те многочисленные книги по психологии, правилам этикета и древние свитки из кантерлотской библиотеки, которые она так усердно штудировала, сейчас казались

абсолютно бесполезными. Здесь требовалась не сухая логика, а чистая, обнажённая искренность.

— Ваше Величество... — негромко, едва ли не шёпотом начала Искорка, и Луна медленно, с явным, видимым усилием перевела на неё свой усталый, заплаканный взгляд. В этой полумрачной комнате её глаза казались двумя тусклыми, постепенно гаснущими далёкими звёздами. — Флаттершай абсолютно права. Пожалуйста, выслушайте нас... Ночь Кошмаров действительно когда-то давно родилась из чистого, первобытного страха пони перед темнотой и неизвестностью, но за эту тысячу лет она кардинально изменилась. Пони собираются вместе на улицах вовсе не для того, чтобы насмехаться над вашей прошлой болью или выставлять вас на посмешище. Они искренне хотят помнить Лунную пони, но теперь этот праздник несёт в себе совершенно иной, светлый смысл. Они хотят помнить тот великий, долгожданный момент, когда к нам наконец-то вернулись именно вы — наша настоящая, любящая принцесса Луна, а не то грозное чудовище, которым вас так долго рисовали старые страшные легенды. *Они празднуют ваше возвращение домой, в семью.*

В глазах у Лу́ны впредь всё ещё отчётливо читалось глубокое, измотанное непонимание всего происходящего вокруг неё в этот момент. Она тихо покачала головой, и несколько тяжёлых, крупных слёз сорвались с её ресниц, мгновенно исчезая в непроглядной темноте холодного паркета.

— Они... они в панике бегают от моего старого языка, Искорка, — её голос сорвался на едва слышный, болезненный хрип, лишённый всяких сил. — Они прячутся под столы, зажмуривают глаза и закрывают уши, когда я пытаюсь говорить с ними так, как нас учили много веков назад, используя традиционный королевский глас. Я для них — просто ожившая пугающая сказка из древних книжек, монстр, которым пугают непослушных жеребят перед сном.

Думаешь, я смогу когда-нибудь с ними нормально заговорить, и они увидят во мне кого-то, кроме… ну, неё?

— Мы научимся, — уверенно, но при этом очень мягко и ободряюще ответила Искорка, подползая ещё чуть ближе к принцессе и заглядывая ей в самые глаза. — Обязательно научимся. **Вместе.** Вы ни в коем случае не должны делать это в одиночку, проходя через весь этот ментальный кошмар без нашей поддержки. Принцесса Селестия правила этой огромной страной целую тысячу лет, пока вас не было рядом, и все пони, разумеется, привыкли к её яркому, ласковому дневному теплу. Но им точно так же сильно нужна и ваша ночь. Им очень хочется видеть за этой бархатной темнотой и грозовыми тучами не свои прежние ночные кошмары, а умиротворяющий покой, тишину и далёкие прекрасные звёзды. Видеть лишь светлые, чистые надежды на спокойное, доброе завтрашнее утро, а не свои потаённые страхи за уже ушедший, тяжёлый вчерашний вечер. Им просто хочется видеть вас — живую, настоящую, способную улыбаться и радоваться жизни вместе с ними. Дайте им этот шанс узнать настоящую принцессу Луну. *И.. пожалуйста, дайте этот шанс самой себе. Перестаньте наказывать себя за то, что осталось далеко в прошлом.*

И Искорка вместе с Флаттершай, больше не колеблясь ни секунды, одновременно подались вперёд и нежно, крепко обняли Лу́ну по обе её стороны. Они прижались к её пушистому боку всем телом, отдавая всё то тепло, что копилось в их маленьких сердцах.

Луна на мгновение замерла, словно полностью окаменев от этого непривычного, искреннего физического контакта. Она отвыкла от того, что её кто-то может просто обнять, не требуя ничего взамен.

В воздухе вокруг них внезапно вновь заструилась, заиграла глубокими синими искрами тёмная, могучая магия ночи. На долю секунды Искорку пронзил настоящий, липкий страх — в её голове вспыхнула мысль, что Лу́на сейчас разозлится, закроется в себе ещё сильнее и использует эту колоссальную силу, чтобы сокрушить их, заставив наконец оставить её одну в этой вечной темноте покоев. Но, к огромному и трепетному удивлению обеих кобылок, эта магия повела себя совершенно иначе. Тёмно-синие, искрящиеся шлейфы не превратились в острые шипы или неприступные барьеры. Они просто, невероятно бережно и ласково окутали Искорку и Флаттершай со всех сторон, словно огромные, тёплые защитные крылья, принимающие их в свои объятия в ответ.

И именно в этот момент Лу́на окончательно сдалась. Все её внутренние стены, выстраиваемые веками обид, непонимания и одиночества, с грохотом рухнули. Она уткнулась носом в мягкую гриву Флаттершай и сорвалась на тихий, надрывный, но такой долгожданный и исцеляющий плач. Это были слёзы огромного облегчения, слёзы очищения от той вековой боли, что каждый день сжигала её изнутри.

Вместе с той удивительной, глубокой теплотой, которая была так непривычна для обычно леденящей, космической магии Лу́ны, Искорке и Флаттершай вдруг стало намного легче дышать. Они почувствовали, как из комнаты уходит удушающий холод, уступая место покою. Лу́на больше была не одна в этой огромной, разрывающей душу печали. И это осознание дарило им самое настоящее, чистое успокоение. Они справились.

Глава 6.

Тяжёлая дубовая дверь медленно, со скрипом приоткрылась. Искорка и Флаттершай аккуратно вели Луну, которая всё ещё слегка подрагивала, пряча заплаканные глаза за своей чернильной гривой. Ей было безумно страшно сделать этот шаг. Шаг из привычной, защищающей темноты покоев наружу, к свету и чужим взглядам.

Но когда Луна наконец подняла голову, она замерла. В коридоре стояла далеко не одна Селестия.

Прямо за дневной принцессой, неловко переминаясь с копыта на копыто, стояла вся остальная шестёрка. Рэйнбоу Дэш, Пинки Пай, Рарити и Эпплджек — все они были здесь. На их лицах не было ни капли осуждения или страха. Только глубокое, искреннее беспокойство и облегчение от того, что дверь наконец открылась. Они бросили координацию праздника, потому что поняли: никакое веселье не имеет смысла, если кому-то рядом так отчаянно больно.

— Лулу… — тихо прошептала Селестия, делая шаг вперёд.

Луна попыталась что-то сказать, но слова намертво застряли в горле. Ей было невероятно трудно говорить после такой эмоциональной бури, её старый королевский слог казался сейчас ненужным, а обычные слова не находились. Нижняя губа принцессы снова задрожала. Она опустила голову, боясь, что её слабость сейчас всех оттолкнёт.

Но вместо упрёков или длинных речей, Эпплджек просто сделала шаг вперёд и мягко ткнулась носом в её плечо. Пинки Пай без лишнего шума прижалась к её теплому боку, а Рарити и Рэйнбоу Дэш аккуратно обняли её сзади, присоединяясь к Искорке и Флаттершай. Селестия укрыла

всю эту тёплую, живую кучу своими большими белоснежными крыльями.

Луна стояла посреди этого кольца из копыт и крыльев, чувствуя, как её окутывает абсолютно реальное, не магическое, а самое настоящее дружеское тепло. Ей больше не нужно было защищаться лозами. Ей больше не нужно было быть идеальной правительницей из страшных сказок.

— Спасибо вам... — едва различимо, ломающимся от слёз голосом прошептала Луна, впервые обращаясь к ним без всякого пафоса, просто и искренне. — Спасибо, что... не оставили меня в этой темноте.

За окном Кантерлота грозовые тучи медленно расступались, открывая чистое ночное небо, усыпанное миллиардами ярких, праздничных звёзд. Эта Ночь Кошмаров навсегда изменилась. Она стала ночью, когда принцесса Луна наконец-то вернулась домой.

Возвращение в Понивилль далось Луне нелегко. Когда копыта принцессы вновь коснулись земли праздничной площади, её дыхание перехватило, а крылья невольно прижались к бокам. Вокруг всё ещё горели тыквы, пони ходили в костюмах, и этот антураж на мгновение вернул прежнюю тревогу. Ей казалось, что стоит ей сделать вдох, и её снова встретит испуганный шёпот.

Но вся шестёрка во главе с Селестией шла рядом, буквально закрывая её от её собственных страхов. Искорка подбадривающе улыбнулась, а Флаттершай тихо шла чуть позади, готовая в любой момент напомнить о том тепле, что они нашли в замке.

На площади воцарилась тишина. Пони начали оборачиваться, замечая свою правительницу Ночи. Луна сделала глубокий вдох. Ей было невероятно трудно начать говорить, слова застревали в горле, а старый «кантерлотский глас» теперь казался чужим и ненужным.

— Пони Эквестрии… — тихо, ломающимся от волнения, но своим *настоящим* голосом начала Луна. Она сделала паузу, унимая дрожь. — Я… прошу прощения за то, что напугала вас ранее. Мне всё ещё трудно привыкнуть к этому времени. Но я поняла… что ваша Ночь Кошмаров — это не попытка меня обидеть. Спасибо вам за этот праздник. И спасибо, что… приняли меня.

Жеребята в костюмах монстров переглянулись. Маленький Пипсквик робко сделал несколько шагов вперёд, волоча за собой мешок. Он остановился прямо перед огромной принцессой, шмыгнул носом и, протянув ей горсть конфет, пискнул:

— С Ночью Кошмаров, принцесса Луна! Вы… совсем не страшная. Вы очень красивая.

Луна медленно опустилась на колени прямо перед маленьким жеребёнком, и на её лице впервые за всю эту долгую ночь расцвела искренняя, мягкая и невероятно тёплая улыбка. Она аккуратно приняла угощение, и обняла его. Вокруг раздались радостные возгласы, и праздник вспыхнул с новой силой — но теперь Луна была в самом его центре, смеясь, общаясь с пони и больше не чувствуя себя чужой.

Маленькие копытца Пипсквика, крепко обнявшие её шею, казались принцессе чем-то совершенно невероятным. В этом простом детском жесте не было ни единой капли привычного придворного страха, фальши или холодного благоговения, к которому она так долго привыкала в Кантерлоте. Луна

зажмурилась, остро чувствуя, как внутри неё окончательно тают последние остатки той ледяной тревоги.

Мир вокруг больше не казался ей враждебным, опасным или чужим. Селестия, тихо стоявшая чуть позади, одобрительно и очень мягко кивнула, глядя на сестру с чистой, нескрываемой нежностью. Теперь Ночь Кошмаров действительно стала их общим, самым радостным праздником, где ночной свет звёзд больше никого не пугал.

Искорка, наблюдая за этим с края площади, тепло улыбнулась и мысленно зафиксировала главное правило этой ночи:

«Порой, чтобы развеять самый глубокий кошмар, нужно просто перестать быть идеальным правителем и позволить себе быть настоящим.»

Конец.

Интересное

Прошлый фанфик: Одна.

Зеркала рассказа

Google Docs =>

Децентрализованное =>

PasteBin =>

Archive.ORG =>

Мой сайт (Ponyarch) => *скоро*